

— Какой тенериф? Что вы вздумали? Какие чиновники? — вскричал в изумлении Салтыков.

Дело разъяснилось: оказывается, чиновники, зная, что Салтыков не берет взятку, устроили этот маленький шантаж*.

Новое о М. Е. Салтыкове

<Фрагменты>

Оценка произведений и литературной деятельности Михаила Евграфовича Салтыкова дана в русской литературе более или менее полная. Но для всесторонней характеристики его личности, для биографии недостает еще многого. Особенно слабо освещена служебная деятельность его, чиновничество.

Из появившихся до сих пор исследований в этой области сколькинибудь значительным и ценным является лишь труд К. К. Арсеньева «Материалы для биографии М. Е. Салтыкова»¹. Но и этот труд не может претендовать на «полноту», так как заключает в себе оценку только некоторых служебных действий, о которых случайно сохранились копии записок, найденные среди бумаг, оставшихся после смерти Салтыкова. <...> ...служебная деятельность Салтыкова как в вятский период, так и в дальнейший, в должности вице-губернатора в Рязани и Твери и управляющего казенной палаты в Пензе, Туле и Рязани, остается не исследованной, если не считать незначительных эпизодов, опубликованных в отдельных очерках и воспоминания разных лиц.

В моей статье «М. Е. Салтыков в ссылке» <...> приведен довольно полный, если не исчерпывающий перечень поручений, выполненных Салтыковым в Вятке, в должности чиновника особых поручений и советника губернского правления. В настоящем очерке я предлагаю вниманию читателей три эпизода из службы Салтыкова в Вятке, заслуживающие особого внимания: участие Салтыкова в умирении крестьянских волнений, расследование по раскольническим делам и организация сельскохозяйственной выставки.

К. К. Арсеньев в «Материалах к биографии» довольно подробно остановился на истории возникновения крестьянских волнений

* См. «Рус. стар.» 1890 г. июнь А. Н. Кузнецов, «Эпизод из пребывания в Вятке».

в 1852 году в Трушниковской волости Слободского уезда Вятской губернии, на усмирение которых был послан Салтыков, и потому я ограничусь приведением здесь только новых данных, добытых мною в архиве Вятского губернского правления, и коснусь лишь самой техники усмирения беспорядков, о которой у Арсеньева почти не говорится.

Сложность и запутанность вопроса о «починках» (лесных расчистках) в Камской казенной оброчной статье, из-за которых возникли крестьянские волнения, требовали особой осторожности, внимательности, предусмотрительности и целесообразности действий со стороны администрации. Выбор Салтыкова для усмирения крестьян был, пожалуй, наиболее удачным, гарантировавшим, во всяком случае, от излишних эксцессов.

«Починки» находились в пользовании крестьян с давних времен, расчищены были их дедами и прадедами, а потому они считали их своими и от уплаты аренды отказывались. Камская оброчная статья, в которую входили починки, переходила от одного оброкосодержателя к другому, и острота вопроса об уплате аренды за них то ослаблялась, то усиливалась, в зависимости от темперамента и аппетита оброкосодержателя. Атмосфера достигла высшего напряжения при наиболее придирчивом и настойчивом Иване Гуднине, решившем во чтобы то ни стало заставить крестьян платить оброк.

2 октября в волость приехал становой и объявил крестьянам, что скошенная ими трава принадлежит Гуднину, который и должен ею воспользоваться. Наутро прибыл и сам Гуднин с 40 подводами.

«Починки» были большим местом крестьян, оброкосодержатель — «злым гением». Если б не этот злой гений, они владели бы «починками» безоброчно, как владели их отцы и деды, если б не Гуднин, они, может быть, пользовались бы всей Камской статьёй*. Появился на горизонте деревни этот «злой гений», горожанин, и причиняет им массу страданий: сначала вырывает Камскую статью, потом отстраняет от пользования пастбищами и, наконец, пытается отнять и «починки». Как на это реагировать? Как защитить облитые потом и кровью отцов и дедов «починки»? За средством далеко ходить не пришлось: взялись за колья и прогнали подводы.

* Однажды крестьяне сами взяли в аренду всю Камскую статью, но пользовались ею недолго; на очередных торгах была предложена высшая плата, и им пришлось расстаться с Камской статьёй, но «починки» они оставили за собой.

Сам Гуднин поспешил под защиту станового, но, видимо, мало в нее верил и спрятался в сарай. Крестьяне приступом взяли сарай, вытащили оттуда оброкосодержателя, избили его и отвели в плен, к себе в деревню. Там от Гуднина потребовали контракт на Камскую статью и подписку, что он никогда не будет пользоваться не только Камской статьёй, но не будет брать в аренду никаких земельных угодий. Отречение было подписано. Это еще больше воодушевило крестьян и окрылило их надежды. Они не удовлетворялись уже «починками», а считали себя вправе на всю Камскую статью, предназначавшуюся им в надел. Выехавшему на место отделению земского суда они заявили: «лучше погибнем со своими семействами, чем дадим пользоваться оброчной статьёй мещанину».

Так обстояло дело к моменту прибытия на место происшествия М. В. Салтыкова.

Созвав крестьян, он начал убеждать их прекратить самоуправные действия, обещая от имени губернского начальства пересмотр дела о «починках», о наделении их землею.

Крестьяне неоднократно слышали подобного рода обещания, которые приведены в исполнение не были. К салтыковскому, как и к предыдущим, отнеслись с недоверием и твердили одно: «Разработанные дедами и прадедами починки мещанину не отдадим».

Пробовал Салтыков вести переговоры поодиночке, с менее упорствовавшими, но у всех встречал он один и тот же ответ: «Что скажет общество»*, а общество своего решения не меняло.

Сломить сопротивление и солидарность крестьян не удавалось. Ни разъяснения об ответственности, ни увещевания, ни обещания пересмотра дела не помогали. Оставалось фатально неизбежное — применение силы.

Салтыков не верил в это радикальное, патентованное полицейское средство и меньше всего, конечно, ему сочувствовал. Грубая расправа с «бунтовщиками» не входила в его планы, ни коим образом не гармонировала с его гуманным характером, но все же он отправил рапорт губернатору, в котором просил о присылке воинской команды «для приведения крестьян в повиновение, без чего никоим образом желаемой цели достигнуть невозможно». Рапорт подписан был, кроме Салтыкова, жандармским офицером шт.-кап. Дувингом и лесным ревизором Соломко**.

* В «беспорядках» принимали участие два сельских общества: Путейское и Нельсовское, численностью свыше 100 человек.

** Эти лица также командированы были на усмирении «беспорядков».

Чтобы произвести на крестьян некоторого рода давление, он писал рапорт губернатору в их присутствии, прочитал им и на их глазах отослал с гонцом в Вятку. Это произвело некоторое действие. Вечером, после отсылки бумаги, явилась делегация и высказала намерение части крестьян «подчиниться». Салтыков воспользовался этим случаем и начал склонять упорствовавших последовать примеру своих товарищей. В то же время трое крестьян-поводырей усилили свою агитацию непримиримости, которая взяла верх. Собравшись на сход, крестьяне снова решили настаивать на своем и не идти ни на какие уступки.

Блеснувшая надежда мирно уладить конфликт опять померкла. Виновниками провала и предстоящей, может быть, кровавой развязки Салтыков считал вот этих трех агитаторов-поводырей и, чтобы устранить их влияние, расчистить себе путь для дальнейших переговоров и уладить дело еще до прибытия воинской команды, решил арестовать их.

В своем рапорте губернатору он объяснял этот шаг следующим образом: «Дабы и в предстоящих по сему предмету распоряжениях не встретить в подстрекательстве сих крестьян (арестованных Дудихина и Карпова. — А.Л.) главной причины недостижения возложенного на нас поручения, я распорядился вызвать их из места жительства и, дабы пресечь всякий способ к побегу, подвергнуть их аресту с заключением в кандалы, в каком виде и препроводил их в временное отделение Слободского суда к производимому им следственному делу с тем, чтобы в дальнейшем оно поступило с ними по обстоятельствам дела»*.

Упорство крестьян сильно волновало и беспокоило Салтыкова. Кроткие меры не помогали. Нужно было какое-то сильнодействующее средство, но отыскать его он не мог. Расчеты с арестом не оправдались. Крестьяне разошлись по домам и для переговоров в Кай** больше не пошли. «Ожидания наши, — писал Салтыков, — остались тщетны: никто из крестьян к нам не явился, а собирать их вновь мы не считали нужным»***.

Неуспех Салтыкова объяснялся, главным образом, неопытностью его. Присущая ему аккуратность, педантичность, а также гуманные стремления давали хорошие результаты в кабинетной работе, но совершенно непригодны были при исполнении полицейских

* Дело Вятского губернатора 1852 г. № 592 по 3 столу.

** Заштатный город Вятской губ.

*** Там же.

функций. Здесь требовалась своя логика, свои особые приемы. Требуя для усмирения крестьян воинскую команду, арестовывая агитаторов, Салтыков внутренне был на стороне крестьян, сочувствовал их бедственному положению, соглашался с ними в их домогательствах. Действия его шли вразрез с его внутренними убеждениями, а потому и были неуверенными, нерешительными, непрактичными. Арест агитаторов, как уже сказано, не гармонировал ни с его добродушным характером, ни с гуманным обращением с «бунтовщиками». Крестьяне не могли этого не подметить, они инстинктивно чувствовали слабость Салтыкова, и это придавало им больше бодрости и стойкости в своих требованиях. Все действия Салтыкова не оказывали на них должного действия, не давали осязательных результатов.

Поняло трагичность положения Салтыкова и его вятское начальство. Вместо просимой воинской команды губернатор послал на место беспорядков управляющего палатой государственных имуществ Круковского. В бумаге на имя Круковского он писал: «В донесении (Салтыкова) не объясняется положительно, дабы крестьяне продолжали оказывать такое буйное или возмутительное сопротивление, для прекращения коего было бы необходимо, и притом в неотложном времени употребить силу воинской команды, а с другой стороны, посылка сей команды при известной с давнего времени бедности крестьян, не имеющих даже возможности уплачивать государственной подати, повергла бы их в совершенное разорение»*, а потому он просил Круковского употребить все меры к вразумлению и убеждению крестьян прекратить беспорядки. Об этом же писалось и Салтыкову, чтобы и он с своей стороны приложил все старание к достижению желанного результата, «если будет возможно без употребления воинской команды».

Салтыкову высказано было недоверие, неодобрение его действиям. При самолюбивом характере Мих. Евгр. это было для него не малым ударом. Чувствуя себя обиженным и оскорбленным, он излил свою обиду в частном письме губернатору, в котором писал: «Ваше превосходительство сами изволите знать, как тяжело мне было при постоянном моем нездоровьи отправляться в г. Кай, где я живу уже вторую неделю в самом мучительном положении; известно также в. п. и то, в какой степени я дорожу добрым мнением вашим о моей службе; этих фактов достаточно, чтобы убедиться, что с моей стороны

* Все расходы по посылке военных экзекуций относились в те времена за счет недоимщиков и неплательщиков.

были употреблены все меры кротости и увещания и что я решился просить о присылке воинской команды движимый только крайней необходимостью».

«Василий Ефимович* сообщил мне наставления, данные в. п., о том, каким образом действовать при укрощении крестьян; все эти средства были уже употреблены мною; мало того, я уговаривал крестьян, чтобы они дали только подписку в том, что они не платят оброк не по упорству, а по бедности (ибо при таком отзыве можно было бы предоставить Гуднину ведаться с ними своим порядком), но и этого добиться не мог. Я предъявлял Круковскому проект подписки, которую я от них требовал, и он может засвидетельствовать, что снисходительнее поступить было невозможно».

«Быть может, что г. Круковскому и удастся кончить это дело миролюбиво, но во всяком случае я до настоящего времени имею сильный повод сомневаться в том, ибо очень может быть, что крестьяне даже и вовсе не явятся к нему. По крайней мере, несмотря на наше приказание и посылку сотских и десятских, до сих пор собралось только самое незначительное число»**.

По поводу краткости донесения и других замечаний губернатора Салтыков писал: «Я не счел нужным подробно объяснить, в чем состоит неповиновение крестьян, потому что это было подробно объяснено в рапорте временного отделения земского суда. Рапорт этот был отправляем в глазах собравшихся крестьян. Я счел нужным именно в это время, а не позже сделать это для того, чтобы крестьяне убедились, что с ними не шутят, ибо они между собою постоянно и громко говорят, что все дело кончится ничем и они поставят-таки на своем. Поспешность отправления и вынудила меня быть кратким».

В заключение рапорта он просил «как особой милости» разрешения вернуться в Вятку, так как «если посылка воинской команды будет неизбежной, то распорядиться ею может и местная земская полиция».

Предположения Салтыкова оказались ошибочными. Общими усилиями все же удалось уговорить крестьян подчиниться требованиям властей. Они согласились уплатить Гуднину часть оброка, а последний, в свою очередь, обязался не требовать его с наиболее несостоятельных; кроме того, он дал торжественное обещание совершенно отказаться с нового года от аренды Камской статьи.

* Круковский.

** Там же.

С 1 января 1853 года крестьяне действительно получили в надел всю Камскую статью*.

Несмотря на неуверенные, может быть, ошибочные действия, Салтыков все же не мало способствовал усмирению крестьян. Круковскому легко было добиться согласия прекратить самоуправство, потому что почва была уже подготовлена Салтыковым. Но губернатор все же действиями его остался недоволен. Это был, кажется, единственный случай в службе Салтыкова.

Напрасно Круковский в своем донесении выгораживал Салтыкова и доказывал, что он очень много сделал для усмирения крестьян, разубедить губернатора не удалось: *nota bene* он написал: «Едва ли? Салтыков ничего не сделал для усмирения крестьян», а на просьбе Круковского представить Салтыкова к какой-либо награде, положил резолюцию: «Я согласен представить Круковского и Дувинга, но распоряжениями Салтыкова я не доволен»**. Итак, Салтыков должен был перенести еще недовольство губернатора, что в его положении ссыльного было не совсем безразлично.

Спустя два года Салтыкову пришлось производить расследование по раскольническим делам.

В начале XIX столетия Вятская губерния, в числе других окраинных, являлась убежищем для раскольников, спасавшихся от преследования в центральной России. Целыми семействами они перекочевывали сюда и селились в городах и селах. В густых лесах находили приют монахи и монахини закрывавшихся властями раскольнических монастырей, раскольнические «наставники»

* К. К. Арсеньев (см.: «Материалы для биографии М. Е. Салтыкова»), а затем и другие историки литературы ставят Салтыкову в особую заслугу то, что он, в дореформенное время, «да еще в исключительном своем положении поднадзорного», мог так свободно высказать свое мнение об улучшении положения крестьян Трушниковской волости. Приоритет в этом деле принадлежит не Салтыкову. Временное отделение земского суда раньше Салтыкова, а именно в ноябре 1862 г. (рапорт Салтыкова губернатору датирован 24 ноября), указывало на необходимость наделения крестьян землей как на единственный выход из создавшегося положения и успокоения крестьян. Салтыков в своем рапорте лишь повторил то, что высказано было земским судом, развил это мнение, детализировал и подкрепил яркой картиной бедственного положения крестьян. Еще до получения рапорта Салтыкова вятский губернатор, основываясь на донесении земского суда, 11 ноября отправил представление министрам государственных имуществ и внутренних дел о необходимости отдать крепышам в надел всю Камскую статью.

** Там же.

и «странники». Поселившись в глухом месте, устроив пещеру-келью, монахи и странники начинали делать вылазки в окрестные деревни и, выдавая себя за духовников, совершали требы: «там канунчик прочитаешь, в другом месте младенцу молитву дашь, в третьем просто побеседуешь...». Большинство из них мало думало о распространении раскола и своим «саном» пользовалось среди некультурного темного народа как ремеслом, в погоне за легким куском хлеба. Все же популярность их среди населения была большая, а одиночки-кельи быстро обрастали «братией», вырастали в монастыри, «угрожая господствовавшей религии».

В первых числах октября 1854 года вятским губернатором получено было от сарапульского городничего фон Дрейера* донесение о «необычайном происшествии», о пойманном «бродяге», именовавшем себя «странником Ананием».

Биография «бродяги Ситникова», или «странника Анания», была самой обыкновенной, ничем не выделяющейся и не отличающейся от биографий подобных лиц. Был казенным мастеровым на одном из уральских заводов, особым трудолюбием не отличался, под влиянием душевспасительных бесед заходивших на завод раскольнических наставников увлекся религиозными вопросами, примкнул к расколу, отрешился от земного мира, бросил семью и ушел «спасть душу»; жил долго в раскольнических скитах, по обету принял монашество, путешествовал по святым местам — посетил монастырь св. Кирилла Белозерского, Дмитрия Прилуцкого, Соловецкий и раскольническую Мекку — Рогожское кладбище в Москве, чтобы исповедоваться там и приобщиться; исполнил это, но в Туле, так как узнал, что священник Рогожского кладбища перешел в ведомство австрийского митрополита, а он власти его не признавал, на обратном пути в «Чердынские леса» получил приглашение в Сарапул читать «Неугасимую», в Нижнем закупил принадлежностей религиозного культа и для исполнения духовных треб и возвращался в свои края, чувствуя себя вполне «подготовленным» к роли духовника «наставника».

В Сарапуле с парохода Ситников направился к своему знакомому раскольнику Смагину. Визит его не ускользнул от городничего и вызвал ревизию в квартире Смагина. Из тайных хранилищ именитого раскольника извлечены были предметы монашеского облачения, два сосуда с частицами св. даров, старинные раскольнические книги и пр.

* Любопытный портрет фон Дрейера дал Салтыков в «Губерн. очерках»: «Второй рассказ подъячего», в котором он выведен под псевдонимом Фейер.

Содержимое котомочки «странника Анания» состояло из всевозможного рода записочек, воззваний, посланий по вопросам «старой» веры, среди них было послание «некрасовских» раскольников, живших в пределах Турции, к некоему Ивану Александровичу.

В послании говорилось, что у них было несколько соборов, в которых участвовали единомышленники из Греции, Молдавии, Болгарии и России. На этих соборах обсуждался, между прочим, вопрос о том, как правильнее совершать крещение по примеру ли греков, у которых будто иерей, погрузив младенца до плеч, правой рукой обливает его водою, или по примеру тех, которые только обливают водою без погружения, или по примеру тех, которые крестят через троекратное погружение в воду, что эти соборные совещания кончились ничем и они просят его, как опытного знатока и хранителя отеческих преданий, разрешить их недоразумение.

Из переписки Ситникова и Смагина городничий узнал много тайн раскольного мира и, между прочим, секрет — откуда они получают духовников, — а этим вопросом сильно интересовались власти. В корреспонденции говорилось, что раскольники отправляли доверенных людей за границу искать епископа. Ходоки нашли где-то в Греции митрополита, привезли его в Австрию в Белокриницкий монастырь, где он и поселился и там рукополагал раскольных иереев, протоиереев и архимандритов.

Сам Ситников о своих странствованиях по белу свету рассказал целую легенду, в которой затронул чуть ли не полмира. Все эти сведения из потустороннего мира сильно поразили городничего. В своих рапортах губернатору он просил поскорее прислать для расследования губернского чиновника, так как местным доверить нельзя, ибо раскольники народ богатый и могут подкупить.

Созданный городничим «бум», а главное, упоминание о «некрасовском» послании, под впечатлением недавнего заговора на жизнь Николая I, причастность к которому приписывалась «некрасовцам», создали известное настроение и в «губернии». Выбор для расследования этого чрезвычайно важного дела пал на «неподкупного» и «известного в своей благонамеренности в службе» Салтыкова.

Раздутое городничим «происшествие» представилось Салтыкову по приезду в Сарапул самым обыкновенным раскольным делом, каких было тогда много в производстве у полиции. Ананий Ситников был также обыкновенным странником-тунеядцем, каких не мало ходило по свету, а «окружное послание некрасовцев» имело к сарапульским раскольникам самое отдаленное отношение. Никакой «важности» и «чрезвычайности» в этом деле не было, сыскные

функции не улыбались Салтыкову, занимавшему по должности советника губернского правления известное положение, и он просил губернатора освободить его от данного поручения.

Полученная из Петербурга бумага разрешила вопрос не в пользу Салтыкова. Под впечатлением записки Мельникова-Печерского о состоянии раскола в Нижегородской губернии решено было обследовать развитие раскола повсеместно. «Странник» Ананий Ситников «пойман» был, таким образом, своевременно, он явился той мухой, из которой надо было раздуть «раскольнического слона», и эту роль должен был выполнить Салтыков.

В Петербурге знали о нем как о выдающемся энергичном чиновнике, привлекавшемся губернатором к делам особой важности, а потому в бумаге министерской особливо подчеркивалось, чтобы дознание о Ситникове производил именно он.

«Неподкупность», «благонамеренность» в службе и другие качества сослужили Салтыкову здесь неблагодарную службу. Следственной части он не любил, особенно если приходилось иметь дело с «живым материалом», не по душе ему была роль полицейского, но не исполнить министерского распоряжения не мог, должен был подчиниться неизбежному и, что называется, окунуться в сыскные функции.

В канун праздника Введения во храм Салтыков решил лично проверить молитвенные собрания сарапульских раскольников. Желая застичь собрания врасплох он распустил слух, будто уехал из Сарапул, то же сделал по его совету и городничий, а вечером «уехавшие» в сопровождении понятых предприняли обход всех раскольнических домов, в которых по полицейским сведениям всегда собирались раскольники. Прием Салтыкова не удался. Знали ли раскольники, что их мистифицируют, или просто ввиду «тревожного» времени решено было переждать, но в тот вечер нигде молитвенных собраний не было.

Чтобы получить от раскольников, отличавшихся необыкновенной сплоченностью и конспиративностью, нужные сведения, Салтыков прибегал к всевозможного рода ухищрениям: он являлся к некоторым лицам инкогнито под каким-либо предлогом, скрывая свое настоящее звание, иногда даже переодевался в простую крестьянскую одежду и в частной беседе узнавал необходимое, получал нужные сведения.

Приехав однажды в Глазовскую волость для проверки скитов, Салтыков узнал, что туда прибыл из Вятки чиновник Протопопов для расследования одной кражи. По уговору с этим чиновником он объявил себя «Протопоповым» (фамилия Салтыкова уже достаточно

была известна всем раскольникам) и под предлогом расследования кражи собирал нужные сведения о местах расположения таких скитов*.

Проверка скитов дала самые неожиданные результаты. Жизнь в них мало походила на монашеско-сподвижническую. Под видом иноков и послушников, составлявших «братию», в скитах скрывались молодые люди, убегавшие от рекрутчины, от податей, немало здесь укрывалось и беглых уголовных преступников. Слухи о приволье «Чердынских лесов» шли так далеко, что сюда стекались со всех концов из самых отдаленных мест Сибири.

— Откуда же ты к нам меченый** проявился?

— А тут неподалечку был, в Иркутской губернии, около Нерчинска, в том самом месте где солнце восходит великое...

— Зачем же к нам?

— Да проведал про ваши добродетели многие, и думав, чем душегубством мне займаться, так стану, мол, я душу спасти.

Рядом с мужскими скитами располагались женские. В них поступали женщины развратного поведения, тут же находили приют, желавшие скрыть признаки своих увлечений.

В одном из своих донесений губернатору Салтыков писал, что укрывательство преступного элемента в тайных скитах «приняло такие обширные размеры, что вся северная часть Чердынского уезда, а также северо-восточная часть Усть-Сысольского в полном смысле кишит беглыми людьми, безнаказанно живущими там под защитой непроходимых лесов и покровительством простодушия и робости лесных жителей пермяков и зырян. При открытии скитов всегда находят кости и могилы, что свидетельствует о том, что здесь скрываются самые гнусные злодеяния»***.

Этим сообщением приоткрывался лишь край покрывала тайн Чердынских лесов: проникнуть вглубь Салтыков не решался, так как это сопряжено было с большой опасностью. Он рекомендовал высшим властям организовать отряд лыжников человек в 200 и с наступлением весны сделать облаву, но проект его, видимо, не встретил сочувствия.

В Пермской губернии, как и в Вятской, распространение раскола было довольно сильно. В производстве полиции и суда была масса

* Рапорт Салтыкова в деле вятского губернатора 1854 г. № 58, хранящемся в Пушкинском Доме при Российской Академии наук.

** Клейменный, ссыльнокаторжный.

*** Там же.

раскольнических дел, но раскольники откупались деньгами, и все эти дела кончались ничем.

Салтыков явился сюда непрощеным гостем. Приезд его неприятен был обеим сторонам: и раскольникам и чиновникам; ему пришлось вести борьбу на два фронта.

На пермской земле был свой «Ситников» — некая Наталия Мокеева, или «мать Торсила», монахиня закрытого Иргизского монастыря. Против нее возбуждено было дело по обвинению в распространении раскола; до суда ее взял на поруки Аггей Шалаевский, после чего она благополучно скрылась. Проверая в Чердынских лесах скиты, Салтыков обнаружил тайный женский монастырь. Настоятельницей в нем была — мать Торсила. Воскресло дело о Мокеевой, возникло новое дело о поручителе ее, Шалаевском.

Шалаевский принадлежал к местному купечеству. Чтобы избавиться от ограничений, которым подвергались раскольники, он принял православие, но в душе оставался раскольником. Обрядов православной церкви не исполнял и своей сильной рукой помогал своим прежним единоверцам. Салтыков привлек его к делу и отдал под надзор полиции. Это сильно задело купца, и он начал доказывать свое «православие». Между Шалаевским и Салтыковым завязалась борьба. Купец работал золотом, Салтыков своей привычной настойчивостью, желанием «подкопаться под самый корешок». Дело, в сущности, мелкое, не заслуживавшее особого внимания, но Салтыков им увлекся и не мог успокоиться, пока не вывел купца на чистую воду. Шалаевский представил удостоверение причта Пермского собора о том, что он говел и приобщался. Салтыков раскрыл подлог: удостоверение выдано было за взятку — Шалаевский записан был в исповедные книги задним числом, по подчищенному месту.

Ситников из тюрьмы продолжал, между тем, раскрывать раскольнические тайны. Он называл все новых и новых лиц из раскольнического мира, о которых знал, с которыми имел соприкосновение во время своего странствования, указывал места расположения тайных монастырей. Поверяя его указания, Салтыков объездил скиты, раскинутые по рекам Лупье и Леле, побывал в Ильинском, на Вьюгюкнаувском, Бикбардинском и Камбарском заводах, в Осе, Ножевке, Оханске, а затем перекочевал в Казанскую губернию.

В Казани Салтыков встретился с Мельниковым-Печерским. Полномочия последнего были значительно шире, и ему пришлось сократиться. Сделан был безрезультатный обыск у торговца картузами раскольника Трофима Тимофеева Щедрина, а в Нижегородской губернии, куда Салтыков отправился после Казани, проверено было

несколько общежитий, в которых проживали бывшие монахи и монахини закрытых Иргизских монастырей. Отпустив сопровождавшего его во время всей поездки жандармского унтер-офицера Северьяна Панова*, Салтыков проехал еще в Владимирскую и Ярославскую губернии, а затем вернулся в Вятку. Командировка эта отняла у него около 8 месяцев в непрерывных почти разъездах; им сделано было на лошадях свыше 3 000 верст.

Отправляясь в командировку, он предполагал, что она будет не продолжительной и, по обыкновению, уехал в своем экипаже. С наступлением зимы его пришлось бросить и купить зимний, который в марте месяце достигла та же участь. Описывая губернатору свое путешествие, указав вскользь, что 60 коп. суточных далеко не хватает на прожитье, он просил выдать денежное пособие «хотя бы в возмещение расходов по покупке экипажей».

Самым трагичным для Салтыкова в этом деле были аресты. Всего им было арестовано 15 человек. Тяжелые минуты, пережитые два года назад, при усмирении крестьянских волнений оставили внутри глубокий след, и он был уже более осторожен. По поводу одного неареста он писал губернатору, что «отдача Смагиной под надзор полиции вместо заключения под стражу произошла, собственно, от неопытности моей в подобного рода делах». Конечно, легче всего было объяснить неопытностью, но в действительности это являлось результатом именно осторожности. Так как по ходу дела арест все же должен был быть произведен, Салтыков просил, чтобы распоряжение об этом исходило от губернатора.

Дело Ситникова не дало сколько-нибудь эффектного результата и, в сущности, не стоило той энергии, которую затрачивал на него Салтыков. Ситников в тюрьме умер. Остальные преданы были суду, но вина их, за исключением бегло-каторжных, была весьма незначительной, и приговор суда был очень мягким.

На фоне провинциальной малокультурной жизни М. Е. Салтыков выделялся своим богатым запасом знаний, и без его участия не обходилось ни одно новое начинание: в качестве члена-корреспондента он принимал участие в работах статистического комитета, был членом тюремного комитета и участвовал в разработке вопроса об устройстве рабочего и смирительного домов, являлся «непременным членом» почти всех благотворительных и иных общественных учреждений. В 1850 году ему поручена была организация очередной сельскохозяйственной выставки.

* Панов прикомандирован был по просьбе самого Салтыкова.

К этому делу он отнесся с особой любовью и энергией, поставив перед собой задачу сделать выставку точным и верным отражением сельского хозяйства губернии. Главное внимание обращено было на крестьян. Чтобы заинтересовать их в выставке, он сделал распоряжение по волостям разъяснять крестьянам смысл и значение выставки и приглашать на нее; им попросту говорили: «везите на выставку все, что у вас есть, что производите и вырабатываете». Это «зазывание» крестьяне поняли слишком реально и повезли, действительно, что имели. Везли как на базар, без ограничения веса и количества: продукты десятками пудов, предметы кустарного производства возами, сотнями. Выставка оказалась несколько переполненной и загроможденной, но все же получилась одной из лучших.

В премировании экспонатов пальма первенства осталась за крестьянами. Все медали (2 золотые и 8 серебр.) присуждены были исключительно им; остальным выданы были похвальные листы и денежные награды. В этом, несомненно, было влияние Салтыкова, стремившегося заинтересовать крестьян не только в самой выставке, но и побудить их к улучшению производства, стоявшего на самом низком уровне. Награды, конечно, послужили немалым стимулом для развития некоторого художественного творчества и изобретательности.

Интересны высказанные Салтыковым в отчете о выставке взгляды его как на выставку, так и на сельское хозяйство.

«Отличительная характеристическая черта Вятской губернии, — писал он, — заключается в составе ее народонаселения, которое, как сказано выше, состоит преимущественно из казенных крестьян. Факт этот напечатлевает совершенно отличный от других губерний характер не только на все существующие общественные отношения, но и на самую сельскую промышленность. В других губерниях земельная собственность и все вообще капиталы сосредоточены в немногих руках, тогда как в Вятской губернии собственность эта раздроблена на бесчисленное множество участков. Очевидно, что человек, обладающий значительной собственностью, может иметь больше средств к улучшению ее, нежели другой, который обладает собственностью ограниченной. Во-первых, он, получая постоянно несравненно больший доход, может отделять от него значительную часть для поддержания и необходимых улучшений по имению, тогда как небольшой землевладелец часто бывает в необходимости весь свой доход употребить без остатка на содержание себя и своего хозяйства, во-вторых, свойство самих улучшений в сфере сельского хозяйства часто таково, что они возможны и приносят действитель-

ную пользу только в тех случаях, когда они делаются в больших размерах и на значительных пространствах, не говоря уже о том, что всякая хозяйственная операция, чем она обширнее, тем менее, сравнительно, требует издержек: в-третьих, избыток материальных средств, сопровождаемый с большими хозяйствами, позволяет хозяину производить в хозяйстве своем опыты, неудача которых не может принести слишком чувствительный ущерб большому капиталисту, тогда как маленький землевладелец совершенно лишен этого преимущества. Конечно, с другой стороны, раздробленность поземельной собственности соединяет с собой другое неоцененное свойство, а именно возможность лучшего ухода за хозяйством, но и это удобство только тогда может иметь действительное осуществление, когда землевладелец имеет к тому средства, которые столько же заключаются в личных трудах и достоинствах хозяина, сколько и в материальных способах ему предоставленных. Поэтому весьма немудрено, что в Вятской губернии, где, как сказано выше, поземельная собственность раздроблена до чрезвычайности, сельская промышленность находится в более младенческом состоянии, нежели в других губерниях России. Если прибавить к этой причине еще и то обстоятельство, что класс крестьян, как менее других образованный, с недоверчивостью смотрит на все нововведения, предпочитая испытанное уже веками и опытом нововведению, может быть полезному, но во всяком случае не верному, то и получается истинная причина недостаточного состояния сельской промышленности в Вятской губернии».

